

Фото Анатолия ЗАБОЛОЦКОГО

Василий Иванович Белов, замечательный русский писатель, в Москве бывает редко, наездами. А когда появляется, дел у него невпроворот: и общественных, и писательских, и семейных. Вот и на этот раз много сошлось бытий: дочь Анна защищала диплом в Суриковском, самому Василию Ивановичу предстояла поездка в горячую Сербию... Все же он выкроил несколько часов и заглянул в редакцию «Очага». Разговор шел о жизни, о наблевшем...

— Читаю ваш журнал и немного теплее, радостнее становится на душе. В человеке много светлого, чистого, надо только почаще напоминать ему об этом. Но есть и звериное, темное. Множество изданий эксплуатируют сегодня именно эту сторону человеческой души. «Очаг» — редкое исключение.

Конечно, поводов для оптимизма нынче мало.

В нынешнем году впервые, может быть, за тысячу лет, пустуют вокруг моей родной Тимонихи поля. Никто не сеял, не убирал. Печальное зрелище. Но еще печальнее обилие смертей. В каждый мой приезд узнаю о новых потерях среди односельчан. Вот недавно парня застрелили, перед этим отравились двое каким-то зельем. Немудрено, ведь спаивает Россию сегодня весь мир.

— А как пишется? Что сейчас на рабочем столе?

— Стою на распутье: продолжать ли заниматься политикой или засесть за третью книгу семейной хроники, которая продолжит «Кануны» и «Год великого перелома». Она уже давно сложилась у меня в голове. Да и с героями своего повествования я как бы сроднился, сжился. Долгие годы безжалостно ломали мужика, делают это и сегодня. Может быть, даже более изощренно и безжалостно, чем раньше.

— Чем сейчас живут люди в деревне?

— В материальном смысле — собственным огородом, хозяйством. А в духовном... Газет, журналов нынче почти никто не выписывает: детей бы прокормить. Остается телевидение, с какой-то неистовостью ринувшееся отуплять, оболванивать людей, прежде всего детей, подростков. Можете себе представить, как воспринимает роскошные рекламные ролики доярка, за свой каторжный труд получающая 30—40 тысяч рублей, да и то нерегулярно. Отсюда тяжкий быт, пьянство беспробудное, семейное неустройство...

— Вспору вспомнить Радищева: «Оглянулся я вокруг, и душа моя уязвлена стала...» Хотя за точность цитаты не ручаюсь.

— Все гораздо серьезнее, глубже. Мы стремительно становимся колонией, а это не только экономика, это определенный тип мышления, отношения к жизни. На глазах усредняется, нивелируется духовный мир людей. Сколько уже появилось тех, для кого единственная цель — деньги, единственная страсть — нажива. Ну а к Радищеву я всегда относился настороженно. Лет в девять случайно попала мне его книжка на чердаке старого заброшенного дома. Прочел и сердцем почувствовал какую-то фальшь, искусственность. Позднее был невероятно удивлен и, не скрою, польщен, что мои ощущения полностью совпали с мнением Александра Сергеевича Пушкина. Заступников, подобных Радищеву, пламенных радетелей за крестьян и ныне немало. Только вот дела все хуже и хуже.

— Кстати, что вы сейчас читаете?

— Читаю мало, но то, что как раз и требует неторопливого размышления. В частности, труды Игнатия Брянчанинова. Самостоятельно выучил церковнославянский язык, читаю библию. Язык этот куда более точный, мускулистый, выразительный, чем наш нынешний. Вообще без дела стараюсь не сидеть: это и для души лекарство. В деревне дел всегда много: посадить, прополоть, убрать. Могу плотничать, с электричеством знаком еще с ФЗО. Хочется и печ-

ное дело изучить, да все руки не доходят.

— А в свободное время чему отдаете предпочтение: охоте или рыбалке?

— Ни тому, ни другому. Свободного времени, как видите, у меня и нет. В городе одни хлопоты — нынче вот теща больна, в деревне — другие. Но дело даже не в этом. Охотиться я перестал после того, как подранил рябчика. Ну а что касается рыбалки... Три года назад я чуть было не утонул. Бог спас. Вообще это мистический случай, не стану рассказывать...

— Василий Иванович, вернемся к началу нашего разговора. Сегодня, по моему, уже очевидно, что политика — грязное дело. Зачем это вам?

— Вы ведете речь собственно о политике, политических деятелях. А для меня политика в том, что я пишу, в моей публицистике. Я не понимаю людей, которые стремятся жить сами по себе, делая вид, что ничего вокруг не происходит. Не думаю, что может вечно продолжаться нынешний беспредел, противный, по-моему, самой природе человека. Тревожно, конечно... Так тоскливо и тревожно бывает на душе, когда ласточки на зиму улетают из деревни. Кажется, что осень, зима, грязь и холод навсегда. Но ведь каждый из нас знает, что это не так, и верит, и ждет, чтобы ласточки вернулись. Они ведь всегда возвращаются, правда?

**Беседовал с гостем
Виктор КИРЮШИН.**

*На могиле матери.
Василий Белов и Валентин Распутин.
Погост близ деревни Тимонихи.*

